

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части третьей¹ статьи 72
Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой
гражданина Г.А.Алексеева

город Санкт-Петербург

15 марта 2023 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой,
С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой,
С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального
конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности части третьей¹ статьи 72 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина
Г.А.Алексеева. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся
неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции
Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Мельникова, исследовав
представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд
Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно части третьей¹ статьи 72 УК Российской Федерации время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы, за исключением случаев, предусмотренных частями третьей² и третьей³ этой статьи, из расчета один день за один день отбывания наказания в тюрьме либо исправительной колонии строгого или особого режима, полтора дня отбывания наказания в воспитательной колонии либо исправительной колонии общего режима, два дня отбывания наказания в колонии-поселении.

1.1. Приговором Псковского районного суда Псковской области от 9 сентября 2020 года гражданин Г.А.Алексеев признан виновным в нарушении – при управлении автомобилем в состоянии алкогольного опьянения – правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности смерть человека. За данное преступление, предусмотренное пунктом «а» части четвертой статьи 264 УК Российской Федерации, ему назначено наказание – пять лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима, а также с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением всеми видами механических транспортных средств, на срок три года. Этим же решением изменена мера пресечения, избрано заключение под стражу, он взят под стражу в зале суда. Срок отбывания наказания постановлено исчислять со дня вступления приговора в законную силу. На основании пункта «б» части третьей¹ статьи 72 УК Российской Федерации в этот срок зачтено время содержания под стражей до дня вступления приговора в силу из расчета один день содержания под стражей за полтора дня лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

В апелляционном порядке приговор не оспаривался.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 января 2022 года приговор изменен: в связи с немотивированностью решения о назначении вида исправительного учреждения определена в качестве места отбывания

наказания колония-поселение, зачтено время содержания под стражей с 9 сентября 2020 года до вступления приговора в законную силу 26 сентября 2020 года из расчета один день содержания под стражей за два дня лишения свободы в колонии-поселении. Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации отказано в передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции жалобы адвоката осужденного, в которой ставился вопрос о необходимости зачета времени отбывания наказания в колонии общего режима в срок лишения свободы в колонии-поселении по правилам части третьей¹ статьи 72 УК Российской Федерации.

1.2. В этой связи Г.А.Алексеев просит признать часть третью¹ статьи 72 УК Российской Федерации не соответствующей статье 17 Конституции Российской Федерации, поскольку она, по мнению заявителя, не предусматривая правил льготного зачета времени необоснованного нахождения лица в исправительной колонии общего режима в срок лишения свободы, подлежащий отбыванию в колонии-поселении, не компенсирует тем самым условий более жесткой изоляции от общества.

С учетом статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть третья¹ статьи 72 УК Российской Федерации в части решения вопроса о применимости установленных ею правил, предусматривающих дифференцированный в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного осужденному, зачет в срок лишения свободы времени содержания под стражей до вступления приговора в законную силу, для целей зачета времени лишения свободы, отбытого в ошибочно назначенном более строгом виде исправительного учреждения, в срок лишения свободы, подлежащего отбытию на основании судебного решения, постановленного в результате пересмотра (отмены или изменения) первоначального приговора (иного судебного акта).

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их

признание, соблюдение и защита – обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина, а также равенство прав и свобод признаются и гарантируются, они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием (статья 1, часть 1; статья 2; статья 17, часть 1; статьи 18 и 19). Для поддержания основных начал правового государства в России создаются условия, способствующие взаимному доверию государства и общества, сбалансированности прав и обязанностей гражданина, гарантируется защита, в том числе судебная, достоинства, прав и свобод граждан, обеспечивается право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статьи 53 и 75¹ Конституции Российской Федерации).

Именно конституционный принцип равенства – в силу своего универсального характера – оказывает, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона. Соблюдение данного принципа, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (постановления от 16 июня 2006 года № 7-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 16 июля 2007 года № 12-П, от 25 марта 2008 года № 6-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П, от 25 февраля 2016 года № 6-П, от 16 марта 2017 года № 7-П, от 11 мая 2017 года № 13-П и др.).

2.1. По смыслу Конституции Российской Федерации, ее статей 17 (часть 2), 21 (часть 1) и 22 (часть 1), неотчуждаемое и принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность, относящееся к числу основных прав человека и признаваемое Всеобщей декларацией прав человека (статья 1), воплощает одно из наиболее значимых

социальных благ, которое, исходя из признания государством достоинства личности, предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека. Это право может быть ограничено исключительно федеральным законом и только так, чтобы основания, порядок применения и характер ограничений определялись законодателем не произвольно, а в соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации: лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обороны страны и безопасности государства, с соблюдением общеправовых принципов, на основе конституционных критериев разумности и соразмерности, дабы не оказалось затронутым само существо этого права, а человек из равноправного субъекта публично-правовых отношений не превращался в объект государственной деятельности.

2.2. Как следует из статьи 71 (пункты «в», «о») Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 22, 32 (часть 3), 49 (часть 1) и 50 (часть 3), законодатель вправе предусмотреть лишение свободы как меру наказания, назначаемую осужденному за преступление по приговору суда, а также порядок и условия исполнения и отбывания такого наказания после вступления приговора в законную силу. Определение того, что собой представляет лишение свободы как вид уголовного наказания, связанный с изоляцией осужденного от общества в местах лишения свободы, и в чем его отличие от других видов наказания, связанных с ограничением свободы, и от иных мер, связанных с законным содержанием под стражей, но не являющихся уголовным наказанием, а равно и определение самих мест лишения свободы и режимов отбывания наказания в них также являются прерогативой законодателя.

Конституция Российской Федерации, закрепляя в статье 22 право каждого на свободу и личную неприкосновенность, устанавливает единые его гарантии при заключении под стражу и содержании под стражей и при

лишении свободы. Соответственно, в основе зачета в срок наказания периода, в течение которого лицо подвергается изоляции от общества, лежит сопоставление характера применяемых при этом уголовно-правовых или уголовно-процессуальных ограничений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2003 года № 1-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 года № 212-О, от 17 июля 2018 года № 2030-О, от 27 сентября 2018 года № 2140-О и др.).

3. Наполнение понятия «лишение свободы» конкретным содержанием осуществляется Уголовным кодексом Российской Федерации, по смыслу части первой статьи 56 которого только лишение свободы в его специальном уголовно-правовом значении – как отдельный и самостоятельный вид наказания – влечет содержание в местах лишения свободы, названных в той же норме (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 года № 12-П). Статья 58 данного Кодекса предусматривает правила назначения – в зависимости от категории осужденных к лишению свободы и совершенных ими преступлений – вида исправительного учреждения (колонии-поселения, воспитательные колонии, исправительные колонии общего, строгого или особого режима, а для части срока наказания – тюрьмы), куда лицо обычно направляется после вступления приговора в законную силу для отбывания назначенного этим судебным решением наказания.

Именно обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу, не только служит формальным основанием для лишения лица свободы, но и обуславливает его правовое положение как осужденного, отбывающего наказание в местах лишения свободы, определяет основания и условия исполнения наказания, что влечет для него и дифференцированные ограничения прав. Так, колонии-поселения представляют собой исправительные учреждения с полусвободным режимом отбывания наказания, а отбывание наказания в них характеризуется существенно меньшим объемом ограничений по сравнению с другими видами

исправительных учреждений (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 года № 12-П и от 28 декабря 2020 года № 50-П).

3.1. Для правильного исчисления срока наказания, подлежащего отбытию осужденным, предназначены положения статьи 72 УК Российской Федерации, включающие правила зачета в срок лишения свободы периода содержания под стражей (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 1818-О, от 25 ноября 2020 года № 2641-О, от 25 марта 2021 года № 412-О, от 28 декабря 2021 года № 2725-О и др.). Данная статья дополнена Федеральным законом от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ частью третьей¹, согласно которой время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы, за исключением случаев, предусмотренных частями третьей² и третьей³ данной статьи, из расчета один день за один день отбывания наказания в тюрьме либо исправительной колонии строгого или особого режима, полтора дня отбывания наказания в воспитательной колонии либо исправительной колонии общего режима, два дня отбывания наказания в колонии-поселении. Устанавливая такие правила зачета времени содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу в срок лишения свободы, законодатель не вышел за рамки уголовно-правовых средств, которые он вправе использовать для достижения конституционно оправданных целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления его исправительного воздействия на осужденного, предупреждения новых преступлений и тем самым защиты личности, общества и государства от преступных посягательств и которые не допускают избыточного ограничения прав и свобод при применении мер уголовно-правового принуждения (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2018 года № 2845-О, от 20 декабря 2018 года № 3377-О, от 29 января 2019 года № 65-О, от 29 сентября 2020 года № 2036-О, от 24 февраля 2022 года № 264-О и др.).

Хотя законодатель может и по-другому урегулировать правила зачета времени содержания под стражей в срок лишения свободы в зависимости от

избранного судом на основании норм уголовного закона вида исправительного учреждения, однако установленная в настоящее время в части третьей¹ статьи 72 УК Российской Федерации дифференциация в зависимости от вида исправительного учреждения имеет объективное и разумное обоснование (сопоставление характера и объема правоограничений, которые применяются в период содержания под стражей и в условиях лишения свободы), что согласуется с конституционными требованиями справедливости, разумности и пропорциональности мер государственного принуждения.

3.2. Всякое ограничение или лишение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества, применяемое в виде меры пресечения либо в виде уголовного или административного наказания, должно согласно статьям 22 (часть 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями его справедливости и соразмерности (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 года № 9-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П, от 22 марта 2018 года № 12-П и др.) на основе равенства перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации). По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в ряде его решений, в том числе в постановлениях от 25 марта 2008 года № 6-П и от 26 февраля 2010 года № 4-П, однородные по своей природе отношения должны в силу принципа юридического равенства регулироваться схожим образом. Следовательно, установленный статьей 72 УК Российской Федерации зачет срока содержания под стражей при назначении наказания не может принципиально по-разному определяться как при назначении наказания на стадии вынесения приговора, так и в случае исправления вышестоящей инстанцией судебной ошибки в приговоре и изменения в нем вида исправительного учреждения, где подлежит отбытию назначенное наказание в виде лишения свободы.

Неправильное применение положений Общей или Особенной частей УК Российской Федерации, неверное разрешение вопросов об уголовной

ответственности или о назначении наказания влекут вынесение неправосудного приговора, что недопустимо в правовом государстве, чей императив – верховенство права, и снижает авторитет суда и доверие к нему как органу правосудия. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации включает в число вопросов, разрешаемых в совещательной комнате, вопрос о том, какой вид исправительного учреждения и режим должны быть определены подсудимому при назначении лишения свободы (пункт 9 части первой статьи 299), и требует указать в резолютивной части обвинительного приговора вид исправительного учреждения, где должен отбывать наказание осужденный к лишению свободы, и режим данного исправительного учреждения (пункт 6 части первой статьи 308). Соответственно, правомерное разрешение в приговоре такого рода вопросов направлено на обеспечение справедливости принимаемого решения, в то время как неправильное определение вида исправительного учреждения при назначении лишения свободы свидетельствует о судебной ошибке.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из установленных уголовно-исполнительным законодательством условий отбывания лишения свободы в колониях общего, строгого и особого режима и в колониях-поселениях, перевод для дальнейшего отбывания наказания в колонию-поселение, безусловно, может в конституционном смысле рассматриваться как смягчение наказания, хотя и не сопряжен с изменением его вида (Постановление от 24 февраля 2022 года № 8-П). С учетом этой правовой позиции неправильное определение судом вида исправительного учреждения – назначение исправительного учреждения более строгого вида – по своей сути ухудшает положение осужденного к лишению свободы, поскольку означает применение к нему избыточных правовых ограничений, которые он вынужден претерпевать в течение всего периода, пока ошибка не будет исправлена.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что гарантированное Конституцией Российской Федерации право на судебную защиту подразумевает создание государством необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства дела именно в суде первой

инстанции, где подлежат разрешению все существенные для определения прав и обязанностей сторон вопросы. Допущенные судом первой инстанции ошибки должны исправляться в суде второй инстанции в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде первой инстанции (постановления от 17 ноября 2005 года № 11-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 21 апреля 2010 года № 10-П, от 25 марта 2014 года № 8-П и др.). Пересмотр вступивших в законную силу судебных актов в кассационном и надзорном порядке (главы 47¹ и 48¹ УПК Российской Федерации) предусмотрен в качестве дополнительного способа исправления судебной ошибки и обеспечения законности судебных решений, который используется, когда неприменимы или исчерпаны все ординарные средства процессуально-правовой защиты (определения от 5 февраля 2015 года № 430-О, от 25 мая 2017 года № 1033-О, от 27 июня 2017 года № 1264-О, от 18 июля 2017 года № 1472-О, от 28 февраля 2019 года № 491-О и др.), что в том числе позволяет реализовать право каждого осужденного на пересмотр приговора (статья 50, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Так, при изменении приговора в апелляционном порядке суд вправе изменить на более мягкий либо более строгий вид исправительного учреждения в соответствии с требованиями статьи 58 УК Российской Федерации (пункт 4 части первой статьи 389²⁶ УПК Российской Федерации). По смыслу же статьи 401¹⁴ УПК Российской Федерации суд кассационной инстанции вправе в случае назначения исправительного учреждения более строгого вида внести изменения в приговор, определение или постановление суда и в последующие судебные решения. При этом в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 года № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» если осужденному назначен вид исправительной колонии с менее строгим режимом, то суд кассационной (надзорной) инстанции в течение года после вступления приговора в законную силу при наличии представления прокурора либо жалобы потерпевшего или частного обвинителя, их законных представителей или

представителей отменяет приговор в этой части и передает дело на новое рассмотрение согласно правилам статей 396 и 399 УПК Российской Федерации для назначения соответствующего вида исправительного учреждения (абзац третий пункта 19).

3.3. Нормы уголовного и уголовно-процессуального законов требуют правильного, обоснованного и мотивированного определения вида исправительного учреждения, а также предусматривают механизм исправления возможных судебных ошибок в данном вопросе. В силу же гарантий, закрепленных в статьях 2, 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 53 Конституции Российской Федерации, устранение вышестоящими судами последствий обнаруженных судебных ошибок само по себе не освобождает от обязательного возмещения ущерба, ставшего возможным в результате нарушения закона.

Суды апелляционной и кассационной инстанций вправе, исправляя ошибку, отменить или изменить приговор, в том числе в части определения вида исправительного учреждения для отбывания лишения свободы, руководствуясь при этом нормами уголовного закона – единственного законодательного акта, определяющего преступность, наказуемость и иные уголовно-правовые последствия преступления. Тем не менее до этого решения вышестоящего суда осужденные к лишению свободы длительное время (в деле Г.А.Алексеева – с 26 сентября 2020 года по 13 января 2022 года) ограничиваются в правах и свободах в объеме большем, чем это предписывает принцип *nulla poena sine lege*, что не согласуется с конституционными принципами равенства, справедливости и требует компенсации вреда, причиненного в результате ошибки нижестоящего суда.

Действующее законодательство – в системном единстве его предписаний – не исключает принятия судом в порядке гражданского судопроизводства решения о компенсации морального вреда, причиненного при осуществлении уголовного судопроизводства, исходя из обстоятельств конкретного уголовного дела и в соответствии с принципами справедливости и приоритета прав и свобод человека и гражданина. Установленный

законодателем механизм защиты личных неимущественных прав, предоставляя гражданам возможность самостоятельно выбирать адекватные способы судебной защиты, не освобождает их от бремени доказывания самого факта причинения морального вреда и обоснования размера денежной компенсации (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2011 года № 47-О-О и от 28 февраля 2019 года № 552-О). Такая денежная компенсация является, по существу, единственным возможным способом возмещения нанесенного судебной ошибкой вреда, если в результате пересмотра приговора принято решение, не влекущее дальнейшего претерпевания лицом неблагоприятных для него уголовно-правовых и уголовно-исполнительных последствий совершенного им преступления, связанных с лишением свободы, притом что данный гражданско-правовой механизм вынужденно предполагает лишь косвенную защиту нарушенных прав без их реального восстановления.

Если же после исправления судебной ошибки в части определения вида исправительного учреждения лицо продолжает отбывать лишение свободы, то его жизненным интересом объективно является такое положение, когда степень претерпевания им неблагоприятных последствий совершения деяния, в котором оно признано виновным, соразмерна общественной опасности содеянного. Таковое возможно – и наиболее эффективно – путем сокращения общей продолжительности лишения свободы исходя из степени фактических ограничений, которые лицо претерпело во время действия ошибочного судебного решения (фактически отбывая наказание в более строгих условиях, чем это вытекает из принципов справедливости, равенства и требований уголовного закона). Причем поскольку имеется возможность указанным способом реально компенсировать избыточное воздействие в важнейшей для человека сфере свободы и личной неприкосновенности, постольку наличие универсального инструментария косвенной – денежной – компенсации не должно позволять государственным органам уклоняться от установления и применения механизмов компенсации в форме дифференцированного по видам исправительных учреждений зачета времени

лишения свободы, отбытого лицом в ошибочно назначенном ему исправительном учреждении более строгого вида, в срок лишения свободы, подлежащий отбытию на основании судебного решения, постановленного в результате пересмотра первоначального приговора (иного судебного акта).

Однако часть третья¹ статьи 72 УК Российской Федерации, сопоставляя условия нахождения лица в следственном изоляторе и в исправительных учреждениях, предусматривает лишь зачет времени содержания под стражей до вступления приговора в законную силу в срок лишения свободы, применяемого на основании вступившего в силу приговора, но не определяет правил принятия решений на основе сопоставления строгости ограничений, фактически примененных к осужденному исходя из ошибочно назначенного приговором более строгого вида исправительного учреждения, по сравнению с теми (вновь назначенными) условиями отбывания наказания, которые вытекают из последующего решения вышестоящего суда. Тем самым юридическое исправление судебной ошибки, допущенной при избрании осужденному к лишению свободы вида исправительного учреждения, происходит без фактического его восстановления в правах, которое должно осуществляться на условиях справедливости и равенства с учетом однородности правоотношений, касающихся правил (коэффициентов) зачета периодов уголовно-процессуальных и уголовно-правовых ограничений, конкретизирующих единое понятие «лишение свободы».

4. В случае, когда в законодательном регулировании присутствует пробел, препятствующий реализации конституционных прав и свобод или затрудняющий ее, устранение такого пробела приобретает конституционное значение и требует адекватных мер правового реагирования (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 мая 2021 года № 18-П и др.). Выявленный в части третьей¹ статьи 72 УК Российской Федерации пробел достигает конституционной значимости, поскольку предполагает сохранение в отношении гражданина того объема и характера ограничений его конституционного права на свободу, которые установлены основанным на неправильном применении норм уголовного закона (а потому в этой

части – неправосудным) приговором суда, утратившим в результате пересмотра свойство *res judicata*, и тем самым фактически легитимизирует такой приговор, по крайней мере в отношении отбытого на его основании наказания, и в определенной степени лишает смысла состоявшееся (путем отмены или изменения ошибочного решения) исправление судебной ошибки.

Таким образом, часть третья¹ статьи 72 УК Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 2, 19 (часть 1), 22 (часть 1), 46 (часть 1), 50 (часть 3), 53, 54 (часть 2) и 55 (часть 3), в той части, в какой она по своему буквальному содержанию препятствует использованию ее судами в правоприменительной практике для целей дифференцированного по видам исправительных учреждений зачета времени лишения свободы, отбытого лицом в ошибочно назначенном ему исправительном учреждении более строгого вида, в срок лишения свободы, подлежащий отбытию на основании судебного решения, постановленного в результате пересмотра (отмены или изменения) первоначального приговора (иного судебного акта), притом что явно и недвусмысленно отражает позицию законодателя о различии – в зависимости от вида исправительного учреждения – степени ограничения конституционных прав, претерпеваемого осужденным к лишению свободы в качестве неблагоприятных последствий совершения им преступления.

Руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75, статьями 79 и 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым определить следующий порядок исполнения настоящего Постановления:

федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и приняв во внимание правовые позиции, выраженные в настоящем Постановлении, – урегулировать зачет времени лишения свободы, отбытого лицом в ошибочно назначенном ему исправительном учреждении более строгого вида, в срок лишения свободы, подлежащего отбытию на основании судебного решения, постановленного в

результате пересмотра (отмены или изменения) первоначального приговора (иного судебного акта), исходя из критериев, позволяющих учесть претерпевание лицом, приговоренным к лишению свободы, неблагоприятных последствий совершения им преступления в зависимости от вида исправительного учреждения. Этим не ставится под сомнение правомочие федерального законодателя – в пределах его конституционной дискреции и с соблюдением принципов равенства и справедливости уголовной ответственности – по выбору правовых моделей, которые могут быть использованы в данной сфере правового регулирования;

впредь до внесения федеральным законодателем в правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, засчитывать срок лишения свободы, отбытого лицом в ошибочно назначенном ему исправительном учреждении более строгого вида, в срок лишения свободы, подлежащего отбытию на основании судебного решения, постановленного в результате пересмотра (отмены или изменения) первоначального приговора (иного судебного акта), надлежит посредством использования коэффициентов, установленных в настоящее время для зачета в срок лишения свободы времени содержания под стражей.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть третью¹ статьи 72 УК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 2, 19 (часть 1), 22 (часть 1), 46 (часть 1), 50 (часть 3), 53, 54 (часть 2) и 55 (часть 3), в той части, в какой она по своему буквальному содержанию препятствует использованию ее судами в правоприменительной практике для целей дифференцированного по видам исправительных учреждений зачета времени лишения свободы, отбытого лицом в ошибочно назначенном ему исправительном учреждении более строгого вида, в срок лишения свободы,

подлежащий отбытию на основании судебного решения, постановленного в результате пересмотра (отмены или изменения) первоначального приговора (иного судебного акта).

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – установить правовое регулирование правил зачета времени лишения свободы, отбытого лицом в ошибочно назначенном ему исправительном учреждении более строгого вида, в срок лишения свободы, подлежащего отбытию на основании судебного решения, постановленного в результате пересмотра (отмены или изменения) первоначального приговора (иного судебного акта).

3. Впредь до внесения федеральным законодателем в правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, засчитывать срок лишения свободы, отбытого лицом в ошибочно назначенном ему исправительном учреждении более строгого вида, в срок лишения свободы, подлежащего отбытию на основании судебного решения, постановленного в результате пересмотра (отмены или изменения) первоначального приговора (иного судебного акта), надлежит посредством использования коэффициентов, установленных в настоящее время для зачета в срок лишения свободы времени содержания под стражей.

4. Судебные решения, вынесенные по делу гражданина Алексева Геннадия Алексеевича на основании части третьей¹ статьи 72 УК Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)

№ 8-П

Конституционный Суд
Российской Федерации